

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Тайна предателя	6
Двойной агент	13
Атомный шпион	76
«Крот»	134
Референт	188
Дилер	253
Перебежчик	306
Глоссарий	348

ПРЕДИСЛОВИЕ. ТАЙНА ПРЕДАТЕЛЯ

Словарь второй древнейшей профессии полон захватывающих слов: внедрение, саботаж, предательство, дезинформация, двойные агенты, «подставы», мертвые почтовые ящики. Как никакая другая тема, полный тайн мир шпионажа вдохновляет фантазию писателей и авторов киносценариев. Легендарные герои Джона Ле Карре или зловещие противники Джеймса Бонда приковывали к себе внимание публики и потому, что во время «холодной войны» и атомного противостояния двух сверхдержав они пробуждали подсознательные чувства страха. Раскрытие некоторых знаменитых «настоящих» шпионских дел, казалось, подтвердило смертельную опасность, исходящую от агентов и «кротов». Единственная утечка в системе безопасности могла нарушить баланс взаимного устрашения, поставить под угрозу безопасность миллионов людей. Так думали тогда. Иногда так это и было. Вот что делало шпионаж таким угрожающим.

Со времени распада Восточного блока стали просматриваться контуры той таинственной «невидимой войны», которую всеми силами вели друг против друга сверхдержавы, прячась за ширмой ежедневной политики. «Холодная война» представляла собой идеальное поле действия для шпионов: почти все, что можно было узнать о политической, экономической и военной сфере другой стороны, было важным. Даже за малозначащие, побочные сведения разведцентры в Вашингтоне и Москве, в Лондоне, Восточном Берлине и Пуллахе под Мюнхеном были весьма благодарны. Но вот нынче и яркий мир «холодной войны» покоится на свалке истории. И лишь сейчас нам пре-

доставляется шанс приоткрыть некоторые из самых свято оберегаемых в те годы тайн.

Шпионы занимаются своим сомнительным ремеслом, как правило, не во время погонь или шикарных приемов. Повседневный шпионаж обычно представляет собой рутину, пустую трату усилий и времени, бюрократию. Супер-модель, соблазняющая шпиона, попадает в жизни, увы, крайне редко. Но тем не менее, реальность оказывается намного напряженней и захватывающей любой выдумки. Более угрожающими являются обстоятельства и фон событий, опаснее работа, а причины предательства куда неоднозначней, чем придумывают авторы романов. Это показывают отобранные мною дела.

Самыми значительными фигурами Тайной войны сверхдержав были мужчины самого разного склада. Незаметные или блистательные, вдумчивые или спонтанные, трезвые или переполненные эмоциями, они обладали чем-то общим — мужеством, чтобы совершить измену: атомный шпион Клаус Фукс, немецкий физик на службе США, раскрывший Советам тайну атомной бомбы; «крот» Джордж Блейк, агент на службе Ее Величества, выдавший КГБ всю сеть британской разведки в Восточной Европе; «канцлерский шпион» Гюнтер Гийом, разоблачение коего привело к отставке канцлера Вилли Брандта; перебежчик Вернер Штиллер, который после побега на Запад разоблачил десятки агентов разведки ГДР; торговец секретами Джон Уокер, два десятилетия продававший сверхсекретные шифры и коды американских вооруженных сил КГБ; двойной агент Олег Гордиевский, офицер резидентуры КГБ в Лондоне, передававший англичанам ценнейшие тайны.

В совокупности эти случаи точно показывают, что же такое был и есть шпионаж: циничная торговля людьми. Только один, атомный шпион Клаус Фукс, уже мертв. Остальные

живы: в изгнании, на свободе, в тюрьме*. Их дела давно закрыты. Именно поэтому стало возможно допросить самих шпионов в качестве свидетелей по их собственным делам. Только так можно реконструировать захватывающую историю предательства. И только так можно составить психограмму каждого отдельного шпиона. Именно по этим причинам я отказался, в частности, включить в эту книгу одно из самых больших последних шпионских дел — дело Олдрича Эймса. Тем не менее, этот выслеженный не так давно шпион КГБ на службе ЦРУ сыграл решающую роль в нашем деле Олега Гордиевского: Эймс дал Москве основную наводку. Один двойной агент предал другого.

Так же, как и характеры этих супершпионов, отличаются мотивы совершенного ими предательства. На вопрос, почему они стали шпионами, ответы были самые разные. Чистый идеализм так же приводил к смене фронтов, как и шантаж или простая жадность. Но они не только с готовностью занимались своим делом — в игре участвовала всегда и скрытая, подавленная страсть к двойной жизни, обману, камуфляжу.

Роль Иуды несет в себе соблазн. Нескрываемая гордость, с которой супершпионы после часто бесславного конца своей карьеры рассказывают о трюках и уловках, которыми они дурачили противоположную сторону, очевидно, только еще одно доказательство их одиночества. Никто, даже среди самого близкого и доверенного окружения, не мог знать об их конспиративных успехах, никто не мог открыто выразить свою похвалу или признание. Единственным контактом со «своей» стороной обычно были только мертвые почтовые ящики и иногда короткие тайные встречи со связниками. Необходимость двойной игры, обмана даже самых лучших друзей измотала многих разведчиков.

---

* Книга вышла в 1994 году. В 1995 году умер Гюнтер Гийом — «канцлерский шпион» восточногерманской «Штази». (прим. пер.)

Клаус Фукс, еще щадя себя, называл свое сомнительное положение «контролируемой шизофренией».

Джордж Блейк сегодня вовсе не сожалеет, что он выдал КГБ четыре сотни британских шпионов. Его печалит лишь то, что он не мог раскрыться перед своей женой и семьей. Брак распался.

Олег Гордиевский в одиночку сбежал из Москвы. Чтобы не подвергать опасности свою жену, он ничего не сказал ей о своем плане. Но цена оказалась высокой: КГБ взял ее в заложницы.

Супершпионам следовало бы, видимо, лучше всего оставаться холостяками. По меньшей мере, автор, пусть после многих лет, видит немалый смысл в изоляции, избираемой самими шпионами.

Так как «дела» их уже принадлежат архивам истории, выдающиеся экс-агенты вовсе не всегда считают, что молчание — золото. Когда шпионы «в отставке» хотят говорить — они говорят, но чтобы разговорить их, нужно немало потрудиться, — все равно, идет ли речь о заключенном в тюрьме в Атланте или об эмигранте в Москве. Обет верности — кому? — тут уже ни при чем, кроме того, его уже никто не требует. Эти супермастера второй древнейшей профессии верны, в наивысшей степени, только одному — собственной тяге к обману, или, по меньшей мере, — к уловкам.

Описания карьеры великих предателей «холодной войны» — это одновременно истории о злоупотреблении чувствами и о фальшивых надеждах. Отношения агентов и ведущих оперативных офицеров часто напрочь лишены всяческих рыцарских аспектов, о которых порой врут читателям многие шпионские романы.

Большие разведки никогда не работают без «двойного дна». В них любят предательство, но не предателей. Самые видные супершпионы в конце своей карьеры — не более, чем инструменты, которыми пользуются, а после сде-

ланной работы — выбрасывают без зазрения совести. Остаются огорченные ветераны — агенты, которые упорно ищут смысл в предательстве, совершенном ими. Как правило, после разоблачения они бесполезны для своих работодателей и представляют для них интерес лишь как потенциальные факторы риска для безопасности. Некоторые до смерти живут под страхом преследования. Другие, как Джон Уокер, получают за предательство своей страны пожизненное заключение. В лучшем случае экс-шпионов поселяют на удаленных виллах, засыпая орденами. Редко, как в случае Вернера Штиллера, им удастся устроить свою вторую жизнь.

Что же остается? За что им можно ухватиться? В своих запоздалых оправданиях пенсионеры разведки все время, как молитву, повторяют, что их измена служила сохранению мира. А что им еще говорить? Естественно, их бои на «невидимом фронте» «холодной войны» можно рассматривать с двух сторон: они обостряли напряженность и иногда даже приводили к ней, но одновременно заботились о гласности и доверии, пусть по каналам конспирации.

Шпионаж, как мероприятие, способствующее доверию, как успокаивающее знание того, что противник во все не хочет напасть на тебя, но, напротив, сам тебя боится. Эта двойственность осталась и по окончании «холодной войны», что утешает и в нынешнее время. Секретные службы и в будущем останутся несущими столпами национальной безопасности, пусть даже с сокращенными бюджетами. Большие шпионские аферы будут и позднее привлекать к себе внимание, как дела Фукса, Блейка, Уокера и других. Центр тяжести сместится: с военных «топ-секретов» — к экономическим. У атомной тайны, в конце концов, будет похищена ее «исключительность».

В любом случае, вторая древнейшая профессия в мире будет и дальше влачить свое (вредное?) существование. Она останется привлекательной, полной захватывающего

напряжения и сложных, но блистательных фигур. Некоторые из этих «людей из тьмы» впервые в этой книге высказываются на темы секретов супершпионов: шефы КГБ Владимир Крючков, Леонид Шебаршин и Виктор Грушко; Маркус Вольф — руководитель внешней разведки ГДР, Гюнтер Кратч — шеф контрразведки ГДР, видные агенты и ведущие офицеры КГБ Павел Судоплатов, Евгений Питовранов, Вадим Гончаров и Сергей Кондрашов; агент ЦРУ Джо Эванс, Гериберт Хелленбройх, бывший шеф Федерального ведомства по защите конституции ФРГ и многие другие. Сэр Николас Эллиотт, легендарный экс-директор британской разведки МИ 6, дал для этой книги последнее интервью перед своей смертью.

Шпионские дела — всегда психологические драмы, а главные роли играют жены. Некоторые из них впервые рассказали нам для этой книги правду об их мужьях: бывшая супруга Вернера Штиллера Эржебет — и его бывшая любовница Хельга Михновски; Лейла Гордиевская, служившая КГБ заложницей после бегства ее мужа; бывшая жена Джона Уокера Барбара, которая предала ФБР своего мужа — шпиона КГБ, обманывавшего ее, и, не подозревая об этом, выдала и своего собственного сына. Первыми жертвами наших супершпионов были их жены.

При создании этой книги мне помогали многие люди. Я благодарю своих сотрудников и коллег Петера Адлера, Ральфа Пеховиака и Лутца Беккера, доказавших свои творческие умения не только в документальном кино, но и за письменным столом; Кристиану Руль и Кристиана Дайка, помогавших мне написать истории о Гиойме и Фуксе; Нину Штайнхаузер и Ульриха Ленце, рассказавшего эти же истории в фильмах; Александра Роднянского, создавшего документальный телевизионный фильм об Олеге Гордиевском; Урсулу Неллессен и Андрею Тот, собравших документы для этой книги.

Итог предателей отрезвляет: шпионаж не оправдывает себя. Остаются раны, причиняющие боль себе и другим: разрушенные браки, разочарывающее изгнание, часто мучительные воспоминания о людях, вину за смерть которых чувствуешь. Прошое можно загнать в отдаленные уголки сознания, но совсем избавиться от него нельзя. В конце главной тайной предателя остается его скрытое горе. Для государств шпионаж может быть выгоден, для шпионов — не окупается никогда.

Гвидо Кноп

ДВОЙНОЙ АГЕНТ

Первое впечатление таково: каким же незначительным выглядит этот человек. Широкое русское лицо, жидкие волосы, настороженные глаза, но никаких особых примет, врезающихся в память. Темный костюм, белая рубашка — не так ли незаметно нужно выглядеть удачливому шпиону? Второе впечатление — его недоверчивость. Из потерянной спортивной сумки он вытаскивает в ходе нашей беседы термос с «русским кофе», то есть водкой с кофе, бутылку минеральной воды, три сэндвича с сыром. У нас он ничего не берет. Он нам не верит. Он хочет оставаться независимым, везде и в любой момент. Он все еще боится. Это очевидно. И у него есть причина для этого.

Даже сейчас Олег Анатольевич Гордиевский*, родившийся в 1939 году**, был полковником советской разведки КГБ. Когда он им стал, в 1985 году, ему предстоял прыжок на пост шефа резидентуры КГБ в Лондоне. На самом деле он уже давно работал как «крот» на британскую разведку. Ей он в течение 11 лет выдавал не только знания о внутренней жизни КГБ, но и его агентов. За это в Советском Союзе он был приговорен к смертной казни. КГБ больше нет. Но смертный приговор Олегу Анатольевичу действует и поныне. Он законно осужденный предатель. Поэтому он боится.

Он не говорит, где живет. Он не говорит, как его сегодня зовут. Когда он встречается с нами, то садится на мет-

---

* Так у автора. На самом деле отчество Гордиевского — Антонович. (прим. перев.)

** Так у автора. Правильная дата рождения — 10 октября 1938 года. (прим. ред.)

ро, пересаживается на другую линию, затем на третью, а потом еще берет такси.

Мы встречаемся в квартире в Южном Кенсингтоне, которую сняли для разговора с ним. Он не хочет, чтобы мы знали, где он живет. Мы знаем лишь, что он проживает в маленьком городке под Лондоном, около часа езды на поезде с вокзала Ватерлоо, и живет там под немецким именем, под которым его и знают соседи.

«Вы должны понимать: теоретически КГБ или организация, ставшая его преемником, может убить меня в любой точке Земли. Нам кажется это преувеличением, но нас переубедили. За прошедшее время нам казалось, что с уходом КГБ с политической арены похоронены и его старые грехи. Но что такое уход? Из старого КГБ было лишь выведено бывшее Второе Главное Управление, ответственное за контрразведку и внутреннюю безопасность, и переименовано в «министерство безопасности». Но когда в октябре 1993 года «министр безопасности» не только не смог, но, скорее всего, даже не захотел предотвратить путч против президента Бориса Ельцина, рассерженный президент расформировал министерство и дал ему новое имя «Федеральная Служба Контрразведки».

Все это время Первое Главное Управление, отвечающее за внешнюю разведку, занималось своей работой, как будто ничего не изменилось. На старые кадры КГБ существует тот же спрос, что и раньше, особенно сейчас, когда Россия снова хочет стать сверхдержавой и нуждается для этого в хорошо функционирующей разведке.

Они — специалисты (а других нет) по разведке, шантажу, саботажу, промышленному шпионажу. И у этих экспертов долгая память. Они не прощают — все равно, на пенсии они или еще на службе».

Мы встречались и беседовали с ними — с Крючковыми, Грушко и Шебаршиным. Дело Гордиевского для них — горькое поражение, от которого они никак не могут опра-

виться. Гордиевский для них — воплощение Зла, не только, потому что ему удалось тайно покинуть Советский Союз, избежав верной смерти, но и потому, что он своим побегом оставил их в дураках — их, до той поры — столь всемогущих.

— Что, собственно, подтолкнуло Вас к службе в КГБ?

— Мой брат убедил меня. Он уже служил в КГБ. Я, в общем-то, хотел стать дипломатом. Но разведка казалась мне более привлекательной карьерой. Я был молод и честолюбив. Я хотел стать кем-то. И я хотел на Запад. Какой двадцатидвухлетний парень в Москве этого не хотел? А работа в КГБ была для меня своего рода мостом в Европу. Для этого была и семейная предпосылка. Уже отец Гордиевского работал в качестве политического комиссара на предшественника КГБ. Он был членом партии с 1919 года, и партия для него была «богом». Во время сталинских чисток, когда бесчисленные родственники и друзья семьи бесследно исчезли, безусловная верность отца была сильно поколеблена. Но окончательно с коммунизмом он так и не порвал. Это сделал лишь его сын.

— Но несмотря на это, Советский Союз был все же Вашей родиной. Почему Вы предали ее?

— Я предал не свою страну, а режим, который сам предавал ее в течение десятилетий. Это началось с ввода войск Варшавского Договора в Чехословакию. Тогда в августе 1968 года, погибла «Пражская весна», попытка придать социализму «человеческое лицо». Ужасное рыло советского коммунизма выперло на сцену. — Меня как бы ударили по голове, — рассказывает Гордиевский. — Это ли страна, за которую я должен был выступать? Солженицын тогда написал, что быть гражданином Советского Союза стыдно. Именно так я это и воспринимал. Я не хотел служить государственной власти, которая походя нарушает свои собственные законы и решил не сотрудничать больше с этой системой.

— Но это ведь не могло произойти внезапно. Нужен был процесс обдумывания, отхода от нее.

— Да, конечно. Я с 1962 года служил в КГБ. Я был молод, многим интересовался и о многом знал. Я читал в оригинале немецкие, шведские, французские, английские и американские газеты. Я узнавал намного больше, чем обычный гражданин СССР. Я узнал, что Хрущев на 20-м съезде КПСС в 1956 году сказал правду о преступлениях Сталина. Я узнал, что советская система прогнила изнутри и держалась только на репрессиях. Я был таким образом прекрасно подготовлен. И я знал: единственным средством, чтобы изменить положение в моей стране была помощь Западу. Запад был для меня островом свободы. Этот остров спасет мир, думал я. Так я пошел на контакт с одной западной разведкой. Это произошло в Копенгагене в 1972 году.

После посещения кузницы шпионских кадров в Москве Гордиевский в 1966 году начинает свою карьеру в качестве простого «секретаря» советского консульства в датской столице. В 1970 году он вернулся в Москву, в 1972 году — снова очутился в Копенгагене, на сей раз — в качестве «пресс-атташе» посольства.

Каждый сотрудник КГБ должен иметь «официальное» занятие: особенно любимыми были должности «пресс-атташе», «экономического» или «торгового атташе». «Пресс-атташе» Гордиевский для установления контакта выбрал провокационный, но надежный метод. По телефону он высказал своей тогдашней супруге некоторые критические соображения в адрес советской системы — зная, что частные разговоры советских дипломатов подслушиваются датской разведкой. Датчане вышли с ним на контакт.

В 1974 году Гордиевский в одном спортзале встретился с британским агентом. Он сигнализировал датчанам, что его сведения представляют большой интерес для атомной державы вроде Великобритании, чем для маленькой Дании.

— Почему англичане? Почему не американцы?

— Я решил в пользу британской разведки, потому что оценивал ее выше, чем американскую.

Настоящий благородный герой? Гордиевский, одинокий рыцарь между блоками, осознавший плохие стороны советской системы и решивший спасти свою страну, шпиона для Запада? Есть и другие объяснения.

— Ваши чистые идеологические мотивы Ваши бывшие руководители не воспринимают. Они утверждают, что причины измены Гордиевского были лишь финансовые: ему нужны были деньги.

— Конечно, они так и должны говорить. Ведь они завидуют мне, потому что им не удалось поймать меня. И потому что никто из них не достиг, как я, уровня идейной борьбы против тоталитарного советского режима. Кто из нас рисковал? Не они же. Я рисковал своей жизнью. Я рисковал своей семьей, которую не мог видеть в течение шести лет. А они служили режиму, пока он не исчез. Я был прав и отстаивал свое право, и это они не могут мне простить. У них остался один шанс — клеветать на меня.

— Ваши бывшие коллеги по КГБ говорят, что Вас могли шантажировать. Например, фотография Вас с какой-то женщиной.

— Я никогда не боялся шантажа. Британская разведка не использует шантаж. Так думает КГБ. КГБ сам использует шантаж. Они рассматривают все как в зеркале: если мы так делаем, другие тоже так делают! Это типично для КГБ.

— А женщины, Олег? У Вас не было никаких приключений?

Гордиевский улыбается. Нет, я скучный человек, говорит он.

— Я никогда не был в публичных домах, никогда не напивался — мне жаль. Когда мои другие коллеги напивались, я читал газеты или — и это он говорит совершенно

но серьезно — какую-то научную статью или слушал Баха. Я был серьезным человеком с серьезными интересами.

— И такой чистый рыцарь действительно не получил от англичан ни одного пенса?

— Ну хорошо, — Гордиевский немного молчит, отхлебывает своего «русского кофе» и признается. — В конце моей работы для британской разведки англичане сказали мне: «Олег, хотите Вы этого или нет, мы недавно начали переводить на Ваш счет небольшие суммы денег. Ведь Ваше будущее неясно, и мы хотим, чтобы у Вас было надежное будущее». И эти деньги, накопившиеся на моем счету, я после побега из СССР в 1985 году смог действительно хорошо использовать.

Это мы понимаем. Итак, он все же работал не совсем задаром. Британская разведка умело все это приукрасила. По отношению к своим британским коллегам Гордиевский выступал как человек, действующий по соображениям совести. Но где написано, что те, кто действует, исходя из своих убеждений, вообще не должны брать денег?

— За эти деньги я купил себе дом. Это весь материальный фон. Кроме него, я ничего не заработал. Он немного запнулся: — Кроме маленькой постоянной пенсии. Ведь больше я ничего не получаю. Британская разведка нам это подтвердила. Что думают коллеги из КГБ, мы еще услышим.

— О чем Вы сперва проинформировали британскую разведку?

Гордиевский улыбается:

— Они, конечно, хотели узнать, есть ли у КГБ агенты в их службе или вообще в правительстве. Если бы они были, я сказал бы им. Но к сожалению, тогда таких агентов не было. Потом они потребовали: «Расскажите, кто в Дании работает на КГБ!» На это было легко ответить. Я им все рассказал. Но они это и так знали. Они просто хотели меня проверить.

— А какие сведения Вы затем передавали англичанам?

— Я называл им агентов КГБ на Западе. Я дал им структуру КГБ. Я передал им документы КГБ. Я информировал их о целях и методах советской разведки. Я рассказал им все, что знал. Иногда некоторые сообщения были для них интереснее, чем я думал. Вот пример. В середине 70-х годов заместитель министра иностранных дел СССР Земсков посетил Данию — он много пил. И когда он был довольно сильно пьян, он сказал: «Мы все — рабы Старой площади». Это означало: все министры зависимы от Центрального Комитета КПСС, который находился на Старой площади в Москве. Англичанам это показалось сенсацией. Они едва не упали со стула: «Повторите это еще раз, повторите еще раз! Этого не может быть!». Но это так и было. Решения принимались в Политбюро, в Секретариате ЦК, подготовленные Международным отделом ЦК.

Это соответствовало действительности. Лишь в конце эры Горбачева баланс власти в Москве радикально изменился. Теперь, к примеру, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе стал влиятельней, чем руководитель Международного отдела ЦК Валентин Фалин. Прорыв к немецкому единству Фалин не хотел воспринимать. Но Горбачев в окончательной фазе совершенно осознанно советовался не с ним, а с Шеварднадзе.

— Как Вы передавали сообщения? Вы использовали «мертвые» почтовые ящики? Или Вы встречались с британскими разведчиками?

— В Дании мы встречались примерно раз в месяц. В Англии мы в начале встречались раз в месяц, затем дважды в месяц, потом раз в неделю, а в конце даже два раза в неделю. Во время этих встреч я говорил по-русски, потому что они хотели, чтобы я высказывался как можно точно и рассказывал как можно подробнее. Они все записывали на магнитофонную ленту. Иногда я приносил с собой из посольства совершенно секретные документы, обычно в виде фотонегативов. Я брал их из моего сейфа, засовывал в карман

и передавал моему ведущему офицеру, обычно на конспиративной квартире. Его ассистентка раскатывала пленки на столе, приносила какой-то прибор и копировала их. Затем я снова клал документы в карман, возвращался в посольство и прятал их назад в сейф. Вся операция должна была длиться не более 45 минут. Ведь если бы за это время прошла какая-то проверка, меня давно бы уже разоблачили.

— Вас никогда не проверяли?

— Однажды такая проверка состоялась. Отсутствовали некоторые совершенно секретные документы. Все были возбуждены: «Куда же подевались документы?» Я как раз вернулся со встречи с моим ведущим офицером. Если бы они обыскали меня, это означало бы мой конец. Но почему-то они этого не сообразили.

Но они все же сообразили. Ведь все эти детали содержатся в досье Гордиевского, лежащем в архиве КГБ в Москве. Но это были лишь намеки, а не улики. Для изобличения этого недоставало. Пока недоставало.

— Ваше бытие как двойного агента было очень опасным. Неужели Вы не боялись? За себя? За свою семью? Он пожимает плечами.

— Конечно, боялся. Я очень боялся. Вы не можете выключить этот страх. Его можно только загнать вглубь. Но тогда он появляется снова и охватывает тебя, обычно в тот момент, когда ты об этом совсем не думаешь. Он трясет и почти убивает тебя. Но я научился жить со своим страхом. Мне не оставалось альтернативы, ведь я все решил для себя раз и навсегда. Так что мне пришлось взвалить на себя все последствия.

— А Ваша семья ничего не знала?

— Ради Бога, нет. Моя жена сошла бы из-за этого с ума.

Под «своей женой» он подразумевает свою вторую жену — Лейлу. Она намного моложе его, что обычно бывает в случае вторых браков. Обе его дочери ходят в частную английскую школу. Шпион с семьей, как большинство. Для Джеймса Бонда тут места нет.

Когда он говорит о Лейле, то со странной отстраненностью. Они познакомились в Копенгагене, во время его второго пребывания там в качестве «пресс-атташе». Он еще состоял тогда в первом браке — на бумаге. Лейла была секретарем в Международной организации здравоохранения. Советская колония в Копенгагене состояла из трехсот человек. Неписанным законом было собираться всем вместе на вечерних мероприятиях. Было трудно не познакомиться друг с другом. Гордиевский развелся и женился на Лейле. Она родила ему двух девочек и была счастлива — пока не узнала, что ее муж, полковник КГБ, на самом деле шпионил в пользу британской разведки. Но тогда он уже находился на золотом Западе, а она сидела в серой Москве с двумя маленькими детьми. Он, конечно, никогда ей ничего не рассказывал о своей двойной игре, чтобы не обременять ее. Но поймет ли это жена? Или она посчитает, что ею злоупотребляли? Мы еще услышим версию супруги.

— Неужели за все эти годы не возникало подозрений, что в резидентурах КГБ в Копенгагене и Лондоне есть утечка — и что Вы — эта утечка?

— В первые пять лет моей работы на англичан, т. е. с 1974 по 1979 годы в Копенгагене, мы были очень осторожны. В резидентуре не возникло ни малейшего подозрения. Иначе обстояло дело в центральном управлении КГБ. Когда я в 1979 году вернулся в Москву, то узнал, что КГБ обнаружило утечку информации. Они подозревали, что Запад знал кое о чем больше, чем ему полагалось знать. Они ломали себе голову: «Кто «крот» в наших рядах?» Это очень сильно повышало уровень адреналина в моей крови. Но все это было еще слишком шатко... Когда же я в 1982 году наконец был направлен в Лондон — «прямо к их пасти» — положение становилось все хуже. Я разоблачил нескольких агентов и потенциальных агентов — вроде Арне Трехольта и Майкла Беттани. Тогда они в Москве, конечно, что-то заподозрили: Запад не мог сам выйти на них! Где-то есть

предатель! Петля все сильнее затягивалась. В КГБ есть поговорка: «Агент живет около 10 лет. «И примерно после десяти лет работы на англичан КГБ стал меня подозревать. Мое время прошло, земля под ногами становилась все горячее. Точно я ничего не знал. Но уже в начале 1985 года у меня возникло плохое предчувствие. Что-то было не так. Я чувствовал это.

— Как они вышли на Ваш след? Кто или что Вас выдало?

— Над этим я годами ломал себе голову. Теперь я знаю. Конечно, было много указаний на утечки информации. И если бы в центре КГБ сложили все камешки мозаики, они раньше вышли бы на меня. Но получилось совсем иначе: в начале мая 1985 года они получили очень достоверную информацию от своего высокопоставленного источника о том, что в лондонской резидентуре сидит западный шпион. Я был единственным, кто попадал под подозрение.

От кого пришла эта информация? От Олдрича Хэйзена Эймса, тогдашнего шефа контрразведывательного отдела ЦРУ, ответственного за СССР и Восточную Европу. Эймс был в апреле 1985 года завербован КГБ. Свой первый гонорар он получил в середине мая 1985 года. Это была оплата за указание на то, что в Лондоне есть «дыра». Имел ли право сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс вообще знать, что в Лондоне сидит двойной агент? Собственно, нет — но англичане в 70-х и 80-х годах прилагали почти болезненные усилия для улучшения своего пострадавшего имиджа в глазах «двоюродных братьев» за океаном, передавая им высококлассные сведения.

Со времени «Великолепной пятерки» из Кембриджа, знаменитых университетских агентов Советского Союза, шпионивших за «Сикрет Интеллидженс Сервис» изнутри, ЦРУ больше не особо доверяла британской разведке. Это недоверие могли устранить только хорошие сведения. Так информация от Гордиевского попадала на пару столов

в Лэнгли, штат Вирджиния. Они, конечно, были «очищены» — англичане скрывали свой источник, как могли. Но профессионал смог сложить 1 + 1. А Олдрич Эймс был профессионалом.

Так двойной агент Олег Гордиевский в конце мая 1985 года попал в двухмесячный кошмар — рискованную игру на жизнь или смерть. Она началась с одной телеграммы. Когда телеграмма лежала на его столе, он сразу понял, что тут что-то не так. Это был четверг, полдень, прекрасный майский день в Лондоне, 24 градуса в тени, необычно тепло для этого времени года. Гордиевский повесил куртку на спинку одного из двух его потертых поворачивающихся кресел и открыл окно. В его комнате на третьем этаже советского посольства было очень жарко. Этаж КГБ лежал прямо под крышей — на мансарде, где летом было невыносимо. Вентиляторы, один на комнату, должны были выдаваться хозяйственным отделом лишь после 1 июня.

Возле листка отрывного календаря с датой 16 мая лежала телеграмма из Москвы. Она требовала от товарища «Горнова» немедленно вылететь в столицу Советского Союза для «служебных бесед» с товарищами «Владимировым» и «Алешиным». «Горнов» был псевдоним Гордиевского в КГБ. «Владимиров» — псевдоним председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова, члена Политбюро ЦК КПСС, «Алешин» — кодовое имя Владимира Александровича Крючкова, тогдашнего руководителя Первого Главного Управления, ответственного за внешнюю разведку. Манера псевдонимов в КГБ уже вошла в поговорки.

Несмотря на жару, Гордиевского прошиб холодный пот. Опять это головокружение. Он схватился за поручни кресла. У шпионов, вообще-то, должно быть железное здоровье, а уж у двойных агентов — тем более. Но Гордиевский страдал гипертонией и должен был принимать успокоительное. Но чувство надвигавшейся опасности нельзя

было побороть таблетками. Не шло ли его дело до сего момента слишком гладко?

На первый взгляд у него не было оснований для беспокойства. Он находился в зените своей карьеры. Его оценка в Москве была, как говорили его начальники, хороша, как никогда — и по хорошей причине. Когда Горбачев в декабре 1984 года впервые посетил Великобританию, Гордиевский снабдил его интересными материалами о стране и людях, от которых будущий Генеральный секретарь был просто в восторге. Ничего удивительного, что умелый вице-резидент в январе 1985 год был вызван в Москву, где ему сообщили, что он будет назначен на должность резидента КГБ в Лондоне и вступит в эту должность в мае 1985 года.

Зачем тогда эта телеграмма? Почему ему снова нужно ехать в Москву? Гордиевский усилием воли заставил себя успокоиться. По инструкции он был обязан сообщить о телеграмме послу СССР в Великобритании. Виктор Иванович Попов был удивлен. Он и Гордиевский всегда были довольны друг другом. Попов был холериком, часто напивался и отпускал недвусмысленные шуточки в адрес посольских женщин.

Теперь он показал себя очень доброжелательным, похлопал Гордиевского по плечу и дал ему несколько советов для бесед в Москве. Очевидно, это приглашение посол рассматривал как награду — Гордиевского, видимо, вызывали на повышение. А с победителями нужно обращаться хорошо.

На следующий день, в пятницу, товарищу «Горнову» в посольство пришла новая телеграмма из Москвы. В ней «Горнову» предписывалось подготовиться к ответам на вопросы о политической, экономической и военной ситуации в Великобритании. В принципе, совершенно обычная инструкция. Гордиевский немного успокоился. Не стал ли он уже после одиннадцати лет рискованных игр двойно-

го агента параноиком? Не страдает ли он манией преследования? Не мерещатся ли ему опасности там, где их нет? Так говорил ему его разум. Но инстинктивно он чувствовал, что этот московский разговор — искусно поставленная ловушка.

В Москве в это же время Владимир Александрович Крючков, шеф внешней разведки КГБ, сидел перед обширным деревянным письменным столом Виктора Михайловича Чебрикова. На обращенную к посетителям сторону стола он положил досье Гордиевского. Крючков с завистью смотрел на столик с телефонами Чебрикова. Председатель располагал аж семью телефонами — среди них, конечно, «вертушка», которой могли пользоваться только верхи номенклатуры. Число телефонов было важным индикатором номенклатурного ранга. С пятью телефонами уже принадлежат к высшей касте. И Чебриков благодаря своему месту и своему ведомству принадлежал к этой элите.

— Он приедет? — спросил Чебриков.

— Если он действительно проницательный человек, — ответил Крючков, — то он разгадает наш замысел и останется в Англии. Но я думаю, что он приедет.

— Что у нас есть против него?

— Пока ничего важного. Но есть много указаний на то, что он — слабое место.

— Тогда позаботьтесь о том, чтобы он в Москве столкнулся с фактами. Нам нужно его признание.

— Мы сделаем все, что можем, товарищ Чебриков. Но нам для этого нужно некоторое время.

— Хорошо, у Вас оно есть. Но получите однозначный результат.

В это же время в Вашингтоне, Федеральный округ Колумбия, Олдрич Хэйзен Эймс, шеф отдела контрразведки ЦРУ, кладет на свой счет девять тысяч долларов США. Это его первый гонорар, выплаченный КГБ наличными — за указание Эймса на то, что в Лондоне есть «дыра».

После обеда в тот же день Гордиевский в Лондоне вышел на связь с МИ 6. МИ 6 среди британских спецслужб отвечает за внешнюю разведку, МИ 5 — за контрразведку. По своей официальной деятельности как будущий резидент КГБ Гордиевский был объектом МИ 5, а по своей неофициальной — как шпион — нелегальным сотрудником МИ 6.

Тайно он надеялся, что его хозяева посоветуют ему не ехать в Москву, потому что это слишком опасно. Но коллеги не доставили ему этого удовольствия. По их данным, как они объяснили, нет ни малейшего намека на то, что что-то раскрылось. Больше они ничего не сказали. Но они дали понять Гордиевскому, что для британской разведки чрезвычайно важно узнать, что хотят сказать товарищи Чебриков и Крючков о советской политике вообще и о политике КГБ по отношению к Великобритании. Они пообещали держать его в поле зрения и позаботиться о его безопасности. Но какое значение может иметь гарантия британской разведки в столице Советского Союза? Сигнал был ясен: «Ты должен ехать в Москву». Итак, он поехал. Но до этого ему нужно было выполнить еще одно официальное, давно запланированное задание.

В субботу 18 мая нужно было передать британскому «нелегалу» — так на разведывательном жаргоне называют тайно действующих агентов — восемь тысяч фунтов стерлингов. Гордиевскому нужно было выполнить это задание, так как у него был дипломатический паспорт, который защитил бы его в случае разоблачения.

Ирония акции состояла именно в том, что Гордиевский — сам «нелегал» МИ 6 — и без этого был защищен. Но он все таки никогда не информировал МИ 6 обо всех акциях, которые проводил в качестве офицера КГБ. Это знала британская разведка — и это «джентльменское соглашение» было частью сделки. МИ 6 узнавала лишь то, что ей хотел сообщить сам Гордиевский. Предатель оставался господином своего предательства.

В его двойной шпионаж не входило, к примеру, дело д-ра Юсефа Даду, вице-президента Африканского Национального Конгресса — организации чернокожих южноафриканцев, которая тогда была запрещена не только в самой ЮАР, но повсюду считалась преступной организацией. Советский Союз поддерживал АНК, лидер которого Нельсон Мандела тогда сидел в тюрьме, деньгами и оружием. Если поставки оружия обычно проходили через столицу Замбии Лусаку, то Лондон был основным пунктом для передачи денег. Между июлем и декабрем 1982 года Гордиевский на нескольких встречах передал всего около двухсот тысяч долларов США для АНК — а кроме того, еще восемьдесят тысяч долларов для Коммунистической партии ЮАР. Деньги поступали от советского Внешторгбанка и при прибытии в Лондон были еще упакованы в его пачки. Даду набивал себе карманы долларовыми банкнотами, подписывал квитанцию и исчезал — «денежный курьер». Гордиевский всегда удивлялся, что этот африканец, беззаветно веривший в преимущество коммунистической системы, совсем не боялся нападения разбойников. В любом случае, МИ 6 не узнало ни слова о денежных перевозках Даду. Также и в нынешней акции молчание было золотом.

18 мая 1985 года Гордиевский взял подготовленный техниками резидентуры кирпич, пустой внутри — чтобы уложить в него как раз четыре сотни банкнот по двадцать фунтов каждая. Он засунул кирпич в пластиковый кулек и отправился вместе с дочерьми Марией и Анной в парк, где была назначена передача. Обе дочки прекрасно говорили по-английски. Мария посещала первый класс школы «Church of England», и Гордиевский охотно рассказывал, как она, однажды вернувшись домой, прочитала молитву «Отче наш» на прекрасном английском языке. Этому еще предстояло сыграть свою роль.

Корамс Филд в Блумсбери находился недалеко от лондонского делового центра и был соответственно полон

людьми. Дочки Гордиевского, четырех и пяти лет, бегали по парку. Лучшей маскировки трудно было найти. Разведчик КГБ осмотрелся, вынул кирпич из кулъка и положил его на краю пешеходной дорожки.

Затем он купил два «хот дога» для дочек и покинул парк. Риск состоял в том, что за предусмотренные пятнадцать минут между уходом Гордиевского и появлением «нелегала» какой-то прохожий мог бы поднять и забрать с собой кирпич. Кирпич ведь был хорош и красив. В таком случае Гордиевскому пришлось бы нести ответственность. Но передача сработала. «Нелегал» (псевдоним «Дарио») прибыл во время и забрал кирпич вместе с содержимым. Акция прошла в соответствии с планом.

Гордиевский не мог знать, что это была его последняя операция в карьере двойного агента. На следующее утро в половине седьмого утра «Форд Гранادا» советского посольства стоял перед квартирой Гордиевского на Кенсингтон-Хай-Стрит. Водитель привез его в аэропорт Хитроу, на утренний рейс «Аэрофлота» в Москву.

Было воскресенье, 19 мая 1985 года. Жена и дети остались в Лондоне. О своих опасениях он ничего им не сказал. Лейла Гордиевская не знала, что ее муж ведет опасную игру. Во время прощания Гордиевский сказал своей жене: «Я позвоню тебе из Москвы, когда буду вылетать, и ты с детьми встретишь меня в аэропорту!» Недели через две, до среды, он должен вернуться.

Шереметьево-2 — самый современный из московских аэропортов. Здесь приземляются самолеты из заграницы. Перед несколькими пропускными пунктами сразу возникают большие очереди. Со своим дипломатическим паспортом Гордиевский мог проходить через особое окошечко, где никого перед ним не было. Пограничник взял его паспорт, ввел его фамилию в свой допотопный компьютер, и несколько раз перелистал все страницы. Затем он ждал — пять, десять, пятнадцать минут, которые казались все бо-

лее долгими. Пограничники в Шереметьево подчинялись Главному Управлению Пограничных войск КГБ СССР. Гордиевский, конечно, знал это.

Его беспокойство возросло, когда пограничник схватился за телефон и произнес что-то в трубку, что для ожидавшего за стеклом выглядело примерно как «Он здесь!» Информировал ли этот человек своего командира? Что это значит: слежка, наблюдение, контроль? Обоснован ли его страх?

Через час он открыл дверь своей квартиры на Ленинском проспекте, дом 109. В этот момент Гордиевский понял, что КГБ действительно следит за ним. Квартира подверглась обыску! Олег и Лейла всегда пользовались лишь двумя из трех дверных замков. А теперь были закрыты все три замка. В принципе, это отдавало любительством — неужели они хотели намекнуть ему, что он «под колпаком»? Кроме этого, никаких изменений в квартире не обнаружилось. Лишь при проверке в ванной Гордиевский в еще запечатанной пластиковой упаковке бумажных полотенец обнаружил маленькую дырочку, которой до этого не было. Если они вышли на его след, то их интересовали самые мельчайшие детали. А кроме этого было еще кое-что.

Под своей кроватью Гордиевский спрятал стопку книг, которые в тех условиях все еще считались в СССР «антисоветскими». В начале эры Горбачева понятий «гласность» и «перестройка» еще не было. Какие книги? Например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, журнал «Континент», немного Сахарова и Пастернака. Подобные книги, которые на Западе выходили на русском языке, правда, охотно покупались журналистами, дипломатами, коммерсантами (и шпионами) — но официально библиотека под кроватью все равно считалась «подрывной». Эти книги были запрещены в Советском Союзе. Здесь сыщики КГБ не оставили следов, но они, несомненно, нашли эту стопку.

В Лондоне Гордиевский еще чувствовал настоящий страх. Теперь это было странное чувство безысходности.

— Я чувствовал себя в безвыходном положении. К страху я уже привык. Я тренировал это. Я всегда знал, что мой конец может быть трагичным. Я понимал, что меня когда-нибудь могут расстрелять. И теперь, видимо, этот час настал. Но этот страх был еще хуже. Он всегда был во мне, его нельзя было подавить.

Он попробовал заняться нормальными делами, сел на кровать, взял телефонную трубку и позвонил своему шефу Грибину, начальнику третьего отдела ПГУ:

— Николай Петрович, я снова в Москве. Что мне нужно делать?

— Хорошо, Олег Анатольевич. Вас кто-то завтра заберет.

Тон Грибина был сдержанней, чем обычно. Телефонный разговор еще более насторожил Гордиевского.

На следующее утро младший офицер на черной служебной «Ладе» КГБ доставил Гордиевского в Ясенево. Ясенево это пригород многомиллионной Москвы, прямо на шоссе на кольце, окружающем столицу. Как и многие другие современные постройки в Москве, штаб КГБ тоже был построен финскими архитекторами. В Ясенево располагается Первое Главное Управление (ПГУ) КГБ, занимающееся внешней разведкой; большой и герметически закрытый от окружающего мира комплекс с дачами, гаражами, поликлиникой, спортзалами и бассейнами.

В центре комплекса — двадцатидвухэтажное офисное здание в форме латинской буквы Y. Вдоль проволочных заграждений под током круглые сутки патрулируют вооруженные солдаты.

В центре Парка разведчиков стоят напротив друг друга две колоссальные статуи: здесь обязательная голова Ленина из гранита, там «неизвестный разведчик» из бронзы.

Персонал ПГУ увеличился с 3 тысяч человек в 1965 году до 12 тысяч в середине 1985 года. Но даже так Первое Глав-

ное Управление оставалось по масштабам КГБ маленьким. Только Главное Управление Пограничных войск охватывает более двухсот тысяч человек. Но зато реноме внешней разведки — самое лучшее в КГБ. Его баланс успехов стал легендарным. Первое Главное Управление олицетворяло собой глаза и уши службы. Оно вербовало элиту «чекистов», как они называли себя тогда и называют до сих пор — по имени первой социалистической спецслужбы — ЧК.

Гордиевский всегда гордился своей принадлежностью к ПГУ. Студентом он мечтал о работе в Министерстве иностранных дел. Но затем вербовщик КГБ, его собственный брат, легко поймал его на крючок: жажда приключений, пребывание за границей... в начале шестидесятых годов немного было нужно чтобы соблазнить молодого честолюбивого студента службой в КГБ.

В Ясенево Гордиевского провели в пустую комнату в третьем отделе и приказали ждать там. Когда и на второй день ничего не произошло, он попросил о встрече с Чебриковым и Крючковым. «Вам скажут, когда придет время».

Целую неделю ничего не происходило. Гордиевский ждал каждый день до восьми часов вечера телефонного звонка, который прояснил бы его судьбу. Но ничего не случилось. Видимо его хотели «сварить всмятку». Официально он занимался тем, что готовил отчеты об операциях КГБ в Великобритании. Но это было быстро сделано. У него было время, много времени, чтобы подумать, где его слабое место.

В чем его могут обвинить? Это могло быть, к примеру, дело Ховик. Гунвор Гальтунг-Ховик была норвежкой. В начале сороковых годов во время немецкой оккупации она влюбилась в русского военнопленного по имени Владимир Козлов и помогла ему бежать в Швецию. После немецкой капитуляции она всеми средствами добилась приема на работу в МИД Норвегии в качестве секретарши — ведь она так хотела в Россию, к Владимиру.

В 1947 году ей удалось попасть на работу в норвежское посольство в Москве. Владимир уже ждал ее. Правда, он успел жениться — но какое это имело значение? Мир был прекрасен. Но Козлов успел стать и связником советской разведки, которая к этому времени снова сменила имя — с НКВД на МГБ. Продлилось не долго, пока Гунвор Ховик передала своему возлюбленному документы из посольства. Теперь ее можно было шантажировать — и так продолжалось тридцать лет. Она была шпионкой по любви, потом агентессой из страха, в конце концов — по привычке. В конце она просто уже не знала иной жизни.

В 1956 году Гунвор вернулась в Норвегию и работала секретарем в Министерстве иностранных дел. Под псевдонимом «Грета» она до 1977 года снабжала КГБ тайными документами НАТО, протоколами заседаний кабинета министров, документами со стола норвежского министра иностранных дел — очень интересными материалами для чтения.

Будучи заместителем резидента КГБ в Копенгагене, Гордиевский узнал о существовании «Греты». Он немедленно проинформировал британскую разведку. Та передала намек норвежским коллегам.

В начале 1977 года Гунвор Ховик была арестована с поличным — в тот момент, когда она хотела передать своему ведущему офицеру-связнику Александру Принципалову секретные документы. Принципалов сослался на свою дипломатическую неприкосновенность и был отпущен, после того, как в его кармане было зарегистрировано наличие денег в сумме двух тысяч крон — премия для его агентессы.

Гунвор Ховик оказалась крепким орешком. На допросах она настаивала на том, что она имела лишь любовную связь с Владимиром Козловым, советские дипломаты время от времени передавали ей письма от него — только для этого она с ним и встречалась. Норвежские методы допро-

са не так грубы, как, к примеру, латиноамериканские — но со временем и они срабатывают отлично. После недели психологической обработки Гунвор Ховик сломалась и признала, что в течение трех десятилетий шпионила на советскую разведку. До того, как против нее начался судебный процесс, она умерла от инфаркта в тюремной камере.

Через год — Гордиевский как раз служил в центральном штабе — Виктор Грушко, в то время шеф третьего отдела, сказал во время одного заседания: «Наш друг Ким Филби написал отчет о деле Ховик. Мы попросили его объяснить, почему, на его взгляд, провалился наш агент. Ее имя и национальность были изменены. У Филби есть лишь одно объяснение: в нашем отделе — предатель». И Грушко по очереди посмотрел на всех присутствующих.

В центре сидел Гордиевский. Он был готов провалиться сквозь землю. Кровь прилила к лицу. Заметил ли это Грушко? Он чувствовал себя пойманным. Но последствий не было. Отчеты «Греты» проходили через очень многие столы. То, что потеря «Греты» не нанесла сильного удара по КГБ, норвежцы заподозрили быстро. Они подслушали телефонный разговор жены сотрудника КГБ в Осло Владимира Шишина с мужем, когда она спросила, не случилось ли чего-то серьезного. Беспечно, слишком беспечно он ответил: «Могло быть и хуже».

Так оно и было. Ведь у КГБ в Осло на крючке была совсем другая рыба, по сравнению с которой высоко оцениваемая «Грета» казалась маленьким пескарником: Арне Трехольт. Наряду с Гансом-Йоахимом Тидге — шефом контрразведки ФРГ, он был самым важным агентом КГБ в те годы.

Трехольт привлек к себе внимание КГБ еще в конце шестидесятых годов. Молодым студентом политологии он устраивал в Осло демонстрации против «американского империализма». Резидентура КГБ посеяла семя, которое уже скоро на удивление удачно проросло. Трехольт был тще славен, и его легко убедили в собственной значимости.

Его первым контактным лицом в КГБ был Евгений Беляев, который в начале инвестировал в молодого человека несколько ужинов, проведя их в дискуссиях о международной и особенно о норвежской политике. Он создал у Трехольта чувство, что его не только воспринимают всерьез, но и считают человеком.

На самом деле интересен Трехольт стал лишь тогда, когда его сделал своим ассистентом известный адвокат и политик Йен Эверсен. По опробованной методике КГБ Беляев сделал так, что Трехольт за пару переданных сведений получил немного денег. Но час Трехольта пробил лишь при преемнике Беляева Геннадии Титове.

Титов, по словам Гордиевского, был «самый преступный и жестокий офицер КГБ, с которым я когда-либо встречался». Титов был льстецом и, конечно, дал Трехольту понять, насколько он блистателен и образован — призван к чему-то много большему.

Когда наставник Трехольта Эверсен стал министром, он сделал своего подопечного государственным секретарем. Теперь Трехольт поставлял своим заказчикам все, что они хотели: прежде всего, документы о норвежской внешней политике и политике в области безопасности.

Так как Норвегия была стратегически важным членом НАТО, эти документы были очень важны для Советов — особенно, когда Трехольт получил доступ к документам с наивысшим грифом секретности «Cosmic Top Secret». Арне Трехольт считался перспективным агентом. Советы надеялись, что он однажды станет министром иностранных дел. Шансы для этого у него были. Лучше нельзя себе было и представить: помимо советского суперагента Урхо Кекконена, президента нейтральной Финляндии, на КГБ работал бы и министр иностранных дел одной из стран НАТО. Но для этого Трехольту еще предстояло сделать карьеру.

Когда Титов после разоблачения «Греты» был выслан из Норвегии, он переубедил шефа ПГУ Владимира Крючко-

ва в необходимости, «вести» в будущем своего суперагента Трехольта непосредственно из центра. Так он в дальнейшем встречался с Трехольтом в Вене и Хельсинки, обоих любимых местах встреч советской внешней разведки. Но во время одной из таких встреч Трехольта и Титова тайно сфотографировал агент ЦРУ. Потому что Гордиевский выдал Трехольта МИ 6. А так как это произошло в тот момент, когда англичане усиленно улучшали свой пострадавший имидж перед коллегами из ЦРУ, то они передали дальше горячую наводку. Правильно — или неправильно — они наши союзники!

Теперь петля все сильней сжималась вокруг топ-агента. В конце 1978 года его перевели в представительство Норвегии в ООН в Нью-Йорке. Это оказалось лучшим местом и моментом для КГБ. Ведь как раз в это время маленькая Норвегия стала членом Совета Безопасности ООН. Так Трехольт встречался в Нью-Йорке в тихих рестораниках Манхэттена с местным сотрудником КГБ Жижиным, ведя доверительные беседы, во время которых «собутельники» тайно меняли секретные документы Совета Безопасности на наличные доллары.

В начале 1984 года Титов за его патриотические заслуги в деле суперагента Арне Трехольта получил уже звание генерала.

Осло посетил министр иностранных дел США Джордж Шульц. Во время визита Трехольт исполнял функции представителя норвежского МИД по связям с прессой. Как только Шульц улетел, Трехольт купил авиабилет в Вену, чтобы передать своему ведущему офицеру Титову горячие сведения о событии. В его «дипломате» лежали 66 документов с грифом «топ сикрет».

Когда Трехольт поднимался на борт самолета авиакомпании SAS, его арестовал Орнульф Тофте, заместитель шефа норвежской контрразведки.

Он всего лишь хотел перебросить «мост между Востоком и Западом», защищался на процессе разоблаченный шпион. В это он мог вполне сам поверить, констатировали судьи, говоря о «невероятном самомнении» Трехольта. Но тем не менее они приговорили его к 20 годам тюрьмы. Ведь была доказана жадность Трехольта. Конфискованы были остатки его шпионских гонораров — около миллиона норвежских крон.

Арест Трехольта — тоже на счету Гордиевского. Титов никогда не стал бы генералом, если бы его питомца норвежская контрразведка арестовала на месяц раньше. Генеральскую звезду нельзя было отобрать, но в наказание Титова перевели в ГДР — в представительство КГБ в Восточном Берлине (Карлсхорст).

А затем последовало дело англичанина Майкла Беттани, попавшего в прострацию сотрудника МИ 5. Утром на Пасху 1983 года Аркадий Гук, резидент КГБ в Лондоне (псевдоним «Ермаков») нашел у своей двери конверт, заброшенный через щель почтового ящика.

Содержание письма представляло собой детальный отчет британской контрразведки о трех недавно высланных офицерах советской разведки. с подробностями их разоблачения.

В продвижении по службе Беттани обошли — прежде всего, из-за проблем с алкоголем. Разведчики хватаются за бутылку не реже, чем обычные люди. Но если британский офицер разведки свою тягу к преодолению проблем с помощью спиртного показывает слишком часто, то от этого страдает не только его здоровье, но и его карьера. Очевидно, это и было причиной его даже не особо тайного предложения.

Беттани предлагал совершенно секретные сведения прямо из логова британского льва. Свежий материал из МИ 5! Это было мечтой любого резидента КГБ, надо полагать. Но Аркадий Гук, пикантным образом, сам закорене-

лый пьяница, посчитал этот акт направленной провокацией и решил игнорировать предложение Беттани.

Перед Гордиевским встал острый вопрос. Нужно ли ему предупредить своих друзей из британской разведки и поставить этим на карту свою безопасность или лучше предоставить делу возможность развиваться естественным путем? Если МИ 5 возьмет Беттани, это насторожит Москву. Ведь в лондонской резидентуре о предложении Беттани знали три человека: Аркадий Гук, его заместитель Леонид Никитенко и Гордиевский. То, что кто-то из этого трио — предатель станет ясно не позднее, чем начнется судебный процесс против Беттани.

Решение вскоре пришло к Гордиевскому. Ведь Беттани снова предложил лондонскому филиалу КГБ свои услуги. Он мог доказать, что в советской сети безопасности есть «три дыры», и он может их назвать. Теперь быстрое действие для Гордиевского было продиктовано самозащитой. Ему следовало исходить из того, что он сам — одна из этих «трех дыр».

Двойной агент Гордиевский информировал МИ 5. Аркадий Гук остался глух и настаивал на тезисе о провокации. Беттани почти разочаровался ввиду малого интереса к нему со стороны лондонской резидентуры и решил обратиться к венской резидентуре КГБ. За несколько дней до своего вылета в австрийскую столицу его арестовали.

Разразился скандал. В демократических странах процессы проводят открыто — и на процессе становится ясно, о чем идет речь. Аркадий Гук был полностью опозорен. Упустить такую возможность — получать информацию из первоисточников — как говорят англичане, «прямо из рта лошади», возможность, которой у советской разведки не было со времен «Великолепной пятерки»! А кроме того, англичане объявили Гука «персоной нон грата» и выслали из страны. В Москве он так и не стал на ноги. Но в штабе КГБ завывали сирены.

Кто был «кротом» в Лондоне? Сам Гук? Ну вряд ли! Для этого он слишком туповат. Никитенко? Скорее он. Или Гордиевский. Теперь он, двойной агент, сидел один в своем кабинете, в центре КГБ, далеко от семьи, оторванный от заказчиков. Они вышли на его след, он чувствовал это. Но ничего не происходило — целую неделю.

Положение изменилось в начале следующей недели. В понедельник, 27 мая в полдень зазвонил телефон. У аппарата был генерал Виктор Федорович Грушко, заместитель начальника Первого Главного Управления (псевдоним «Северов») — коммунистический солдафон наивысшей пробы. Грушко объяснил, что его, как избранного эксперта, ожидают на конференции по вопросам выработки новой стратегии для внедрения советских агентов в Великобританию.

— А беседа с руководством? — спросил Гордиевский.

Нет, пока придется подождать. Пока речь идет о внедрении. Грушко — какая честь! — сам подвез Гордиевского на своей черной «Волге» по московской кольцевой дороге на комфортабельную по советским критериям дачу, где их уже ожидали еще два офицера разведки. Гордиевский их никогда до этого не видел.

Супружеская пара официантов принесла обед в виде бутербродов. Армянского коньяка было вдоволь. Грушко и другие пили его не меньше, чем сам Гордиевский. Затем открыли вторую бутылку коньяка. Официант налил Гордиевскому. Через пару секунд он почувствовал, что с ним что-то не в порядке. Ему подсыпали наркотики.

Грушко вышел из комнаты, двое других начали допрос. В коньяк было добавлено химическое вещество, которое специально создано для таких случаев в лаборатории Управления К (контрразведка, разоблачение внутренних утечек). Вещество должно было, с одной стороны, снизить порог тормозных рефлексов человека, расслабляя

его и заставляя говорить, с другой стороны — отключить контрольные механизмы его мозга.

Ему казалось, что он сам сидит перед собой. Одна его часть видела, как другая без умолку говорит. Сначала они его спросили, знает ли он «других перебежчиков». Он ответил: «Нет». Но они продолжали: «Ну, признай же, что ты английский агент. Мы знаем это. У нас есть неопровержимые доказательства». Гордиевский снова только отрицал: «Нет, нет, это ошибка. Меня не вербовали. Я не агент!». Потом, чтобы сбить его с толку, они стали задавать другие вопросы: «Как можешь ты гордиться тем, что твоя дочь Мария читает молитву «Отче наш» на английском языке? Ты — чекист, разведчик!»

Все это звучало для него, как доносящееся издали. Но внутренний голос из еще нормально функционирующей части его мозга сигнализировал ему: «Ага, значит, они знают, что маленькая Мария знает «Отче наш» на английском языке». Об этом он в Москве говорил только один раз, сидя на софе своей матери. Значит, в ее квартире установлены «жучки»! Затем они спросили его: «Под Вашей кроватью Вы спрятали антисоветские книги! Как Вы могли вообще незаконно ввезти эту писанину в страну?»

Какое-то время Гордиевский лежал на полу, потому что наркотики сделали свое дело. Оба мужчины, очевидно, играли, распределив свои роли. Тот, кто постарше, с бледным лицом, казался больным. Он вел себя сдержанно. Позже Гордиевский узнал, что это был генерал Голубев из отдела К ПГУ, занимавшийся поиском двойных агентов в собственных рядах.

От чекиста помоложе исходила большая опасность. Он казался умнее и задавал жесткие вопросы. Позднее Гордиевский идентифицировал его по фотографиям в досье британской разведки. Это был полковник Буданов, собака-ищейка отдела К.

Буданов поднял лежавшего на полу Гордиевского и грубо прислонил его к столу, на котором лежали остатки фатального обеда: «Признайся, наконец, что тебя завербовал П. «П. был британским разведчиком из МИ 6. «Им было нужно, — говорит сегодня Гордиевский, — мое признание. И я, несмотря на наркотики, чувствовал, что я ни в чем не сознался. Я только говорил: «Я не знаю, о чем Вы говорите!»

Голубев и Буданов оставили его лежащим на полу. Гордиевский лежал возле обеденного стола, был в сознании, но не мог встать. Он находился в состоянии пациента, накачанного наркотиками перед операцией, который, однако, все же мог наблюдать за своей операцией в полном сознании.

Через некоторое время Голубев вернулся и принес напечатанный на машинке лист бумаги. «Это Ваше признание», — сказал он. — «Вы только что признались в том, что Вы английский шпион. Теперь Вы должны подписать это признание!» Гордиевский попытался громко протестовать, но мог только шептать: «Нет, это неправда. Нет, это не так!» Затем он потерял сознание.

Когда он проснулся следующим утром, его мучили ужасные головные боли. Он лежал на верхнем этаже дома, снова появилась супружеская пара официантов дачи и принесла ему кофе. Гордиевский спросил их: «Вы подсыпали мне что-то вчера в пищу?» Оба непонимающе посмотрели на него и пожалы плечами. Очевидно, им приказали не разговаривать с ним. Это были профессионалы — специалисты по обслуживанию «гостей» на одной из оборудованных камерами и магнитофонами дач для допросов КГБ.

В половине десятого появились Голубев и Буданов. Они вели себя так, как будто вчерашний допрос был обычной нормальной беседой. Буданов спросил Гордиевского, какие части Англии он уже знает. Гордиевский ответил, что он был на нескольких партийных съездах Лейбористской партии в Блэкпуле и Брайтоне, а так — лишь в Лондоне.

Буданов еще немного поболтал о британских обычаях — «Кухня вовсе не так плоха, как ее обычно готовят, не так ли?» — а затем внезапно спросил: «Почему Вы вчера вели себя так высокомерно? Сегодня Вы настроены намного более по-товарищески!» Гордиевский попросил прощения и объяснил, что ему было нехорошо, а подробности он не может вспомнить.

Он подумал, что лучше всего молчать о том, что некоторые «подробности» очень хорошо запечатлелись в его памяти. Буданов сказал: «Вчера Вы обвинили нас в том, что мы возрождаем атмосферу 1937 года, времени сталинских чисток. Мы докажем Вам, что Вы не правы».

Служебная машина КГБ привезла его домой, на Ленинский проспект. Гордиевский упал на кровать. Он очень устал, но заснуть не мог. Лишь теперь он почувствовал свой страх. Он совершил огромную ошибку, вернувшись в Москву. Здесь он у них в руках. Но, очевидно, они дали ему время передохнуть. Двадцать лет назад его просто расстреляли бы даже по одному подозрению. Теперь КГБ нужны доказательства. Они надеялись на какую-то его ошибку. Если он угодил в западню, и, не желая этого, доставит им еще недостающие улики своей измены, несомненно, они его казнят. Гордиевский был прав.

Всем сотрудникам ПГУ было известно дело полковника КГБ Олега Пеньковского (неточность автора. Пеньковский был полковником ГРУ — прим. пер.), который, исходя из своих убеждений, в конце 50-х и начале 60-х годов шпионил в пользу Запада. В Лондоне его вели под псевдонимом «Алекс». в Вашингтоне — «мистер Янг». «Алекс» сообщил о намерении тогдашнего Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева раскалить до невозможности конфронтацию вокруг Берлина и спровоцировать инциденты на дорогах, ведущих в свободную часть города. Он поставлял сведения о ракетном вооружении СССР. Он посылал внутренние аналитические сводки о действительных отношениях Мо-

сквы с «социалистическими братскими странами». Но советская контрразведка выследила его. Верным линии партии сотрудникам давно показалось подозрительным, что товарищ полковник питает необычайную страсть к некоторым товарам с Запада. Они устроили за ним тайную слежку и доказали свои подозрения.

В разгар Карибского кризиса 1962 года Пеньковский был арестован и судим военным трибуналом. Через год «Иуда из Москвы», как его называла советская пресса, был расстрелян. Смертная казнь для шпионов не была феноменом лишь «холодной войны». Еще с 1986 по 1989 годы, в «рассвет» эры Горбачева, в разгар восхваляемых кампаний «гласности» и «перестройки» КГБ расстрелял 16 работавших на Запад агентов.

Это означает, что они были приговорены к смерти военным трибуналом и переданы КГБ для казни. Гордиевский не предполагал, что сам он представляет собой лишь мозаичный камешек интригующей игры. Ведь он был не единственным, кого в 1985 году предал Олдрич Хэйзен Эймс.

В августе 1985 года сотрудник КГБ Виталий Юрченко перебежал со стороны Москвы на сторону Вашингтона и предложил свои услуги американским властям. В ЦРУ это посчитали большой удачей, особенно когда предполагаемый перебежчик идентифицировал одного из предателей в рядах ЦРУ — Эдварда Ли Ховарда. Юрченко находился в Вашингтоне ровно столько, сколько нужно было Ховарду для побега в Москву. Затем он исчез и сам, оставив всех с носом. Свое задание он выполнил.

Однажды он снова очутился в Москве. На конференции в пресс-центре было сообщено, что Юрченко «передумал» и со смирением возвратился в милосердно прощающую семью КГБ. Достаточно прозрачная игра, как видим. Но ЦРУ и ФБР попались на эту удочку: специалисты обеих спецслужб были совершенно уверены, что именно Ховард был тем «кротом», на счету которого — целая серия «за-

светившихся» высококлассных агентов США, разоблаченных летом 1985 года.

Валерий Мартынов, сотрудник посольства СССР в Вашингтоне, агент ФБР. Расстрелян.

Сергей Моторин, сотрудник посольства СССР в Вашингтоне, агент ФБР. Расстрелян.

Адольф Толкачев, эксперт по вопросам технологии в Министерстве обороны СССР в Москве, агент ЦРУ. Расстрелян.

Но операция Юрченко и идентификация Ховарда были на самом деле лишь грандиозным отвлекающим маневром для отвлечения внимания от настоящего «крота» — Олдрича Эймса. Ироничным образом, именно он допрашивал Юрченко и подписывал с ним протокол о том, что в смертях агентов виновен лишь Ховард. Предатель расследовал свое собственное дело — и, конечно, нашел предназначенного КГБ для этого «козла отпущения». На самом деле, он сам, Олдрич Эймс, выдавал американских агентов КГБ.

Девять лет Эймс получал жалование от советской (а затем российской) разведки. До своего ареста в феврале 1994 года он получил в общей сложности полтора миллиона долларов за свои услуги. В делах Мартынова, Моторина и Толкачева улики были неоспоримы. Поэтому их сразу же расстреляли.

Гордиевский ничего не знал об этих троих. Но предчувствие не обмануло его: если сойдутся все камешки в мозаике, то дело дойдет до него. Тогда он тоже будет казнен. Хуже всего было ждать.

Он сидел в своей квартире и ждал, когда за ним придут. Это было невыносимо. Он должен был что-то сделать, понять, что у них есть против него. Гордиевский позвонил по телефону Михаилу Любимову, бывшему резиденту КГБ в Копенгагене, своему бывшему шефу.

Любимов был единственным из коллег по КГБ, к которому Гордиевский питал определенные дружеские чувст-

ва. Любимов однажды предложил своему заместителю перейти на «ты», но тот думал о сохранении дистанции и отказался. Двойной агент не хотел быть близким с кем-то. Тем не менее, Любимов и дальше обращался к нему на «ты», но Гордиевский к нему — на «Вы».

— Михаил Петрович, я в Москве. Меня отозвали. — Что это значит?

— Я расскажу Вам позднее.

Произошло что-то неприятное. Любимов, который вышел на пенсию еще пять лет назад, призвал его соблюдать спокойствие.

— Не вешай голову, старина. Неприятности бывают в жизни.

— Могу я к Вам подъехать?

— Да, приезжай.

Это произошло вечером 29 мая, в среду. Любимов так сейчас вспоминает вид Гордиевского: «Вошел человек, бледный, как смерть. Он был совсем белым. Он боялся, это чувствовалось. Таким я его никогда не видел. Он принес с собой бутылку виски, согласно старой традиции — хороший подарок человека, только что вернувшегося из заграницы». Они уселись. Руки Гордиевского дрожали, когда он поднимал бокал.

— Что случилось, — спросил Любимов.

Гордиевский ответил:

— У меня нашли запрещенную литературу — Солженицына, Сахарова и других писателей. Они запротоколировали это по всем правилам. Вы знаете, что это значит? Начинается новый 1937 год!

«Эта история ранила меня прямо в сердце», — вспоминает сегодня Любимов. «Ведь я тоже привез из Копенгагена три чемодана с книгами Солженицына и других классиков. Я действительно подумал: «Боже мой, неужели это начинается снова. «Как я мог его утешить?»»

Любимов сказал:

— Послушай, Олег, это все дело, может быть, вовсе не так плохо. В конце концов, они пошлют тебя в Институт Андропова.

Так называлось учебное заведение КГБ, куда посылались руководящие кадры, имевшие неприятности.

— Ты же всегда любил интеллектуальную работу. Там ты сможешь преподавать...

«Так я пытался его утешить», — вспоминает сегодня Любимов. «Но он все сидел, качая головой и приговаривая: «Нет, нет, это не получится. «Сегодня я знаю, что это все была умная игра. Он хотел услышать, выведать у меня, что я знаю. А я этого совсем не заметил. Уже после его первых слов я сказал: «Постой, Олег, пойдем в маленькую комнату». Ведь в моей большой комнате стоял телефон. А я исходил из того, что телефон служит также подслушивающим устройством. И, знаете, что я сделал, когда он ушел. Я собрал все мои запрещенные книги и закопал их...»

В тот же день Лейла Гордиевская в Лондоне безрезультатно ожидала звонка своего мужа из Москвы. До сего дня он ничего не сообщал о себе. Неужели что-то случилось? Она позвонила в посольство и спросила, не получали ли они известия от Олега. Секретарша сказала, что нет.

Через полчаса ей позвонили в дверь. В коридоре стоял Никитенко из резидентуры. «Лейла, знаете, у Олега Анатолевича возникли проблемы с сердцем и поэтому он решил провести отпуск в Москве. Он просит Вас вылететь к нему в Москву».

У Лейлы Гордиевской не зародилось никакого подозрения. Как жена офицера, она привыкла быстро менять решения. Она упаковала легкие вещи для жаркого московского лета и поехала на следующее утро с детьми в аэропорт. Это был четверг, 30 мая. «Мы буквально летели с «ручной кладью». Меня привезли к самолету. А я, такая тогда наивная, сказала: «Вы можете идти, я сама дойду до самолета».

Но они сопровождали меня до самого кресла и покинули самолет только когда я и дети пристегнули ремни. Что это означало, я поняла лишь много позднее».

Примерно в то же время, когда его жена садилась в самолет, Гордиевскому в Москве приказали прибыть к Грушко. В кабинете заместителя начальника ПГУ находились кроме него генерал Голубев и начальник отдела Гордиевского Николай Петрович Грибин, выглядевший еще мрачнее, чем обычно.

Грушко начал беседу в официальном тоне: «Что касается Вас, товарищ Гордиевский, то мы уже давно знаем, что Вы ведете двойную игру. Мы знаем об этом из одного особого источника. Из какого — Вы никогда не узнаете».

Трое офицеров взглянули на него, как будто на воплощение дьявола. Гордиевский заставил себя сохранить спокойствие. Могут ли они слышать стук его сердца? «Вчера вечером, — продолжил Грушко, — мы с Владимиром Александровичем Крючковым очень долго обсуждали Ваше дело. Он решил, что Вы должны немедленно прервать Ваше пребывание в Англии. Ваша семья сейчас возвращается в Советский Союз. Но Вы и дальше можете работать в КГБ, только, конечно, без командировок в Англию или Сканднавию. Ну, что Вы думаете об этом?»

Гордиевский молча кивнул. «Пусть они думают, что ты глуп, — подумал он. — Если они уже знают или предполагают, что я работаю на британскую разведку, то дальнейшая работа в КГБ для меня совсем невыносима». Это все было трюком, направленным на то, чтобы он выдал себя. Они и дальше будут следить за ним. Они надеялись, что он в отчаянии совершит какие-то действия, которые помогут его разоблачить, например, попытку контакта с британской разведкой. Они хотели сыграть с ним в кошки-мышки. Он решил вести себя так, будто не понимает, в чем дело. «Что касается упреков в мой адрес, то я действительно не знаю, о чем Вы говорите. Все это, видимо, какое-то недоразуме-

ние. Но как офицер, я, конечно, выполню Ваше решение. «Сцена эта не была трибуналом, она граничила с абсурдом — прежде всего тогда, когда Гордиевский извинялся за то, что «заснул» во время «разговора» на даче. «Видимо, что-то не в порядке было с едой, « — сказал он.

Голубев возмущенно возразил: «Нет, это не так. Еда была в полном порядке!» Конечно, он был прав; наркотики были не в икре, а в коньяке. Грушко с облегчением отметил, как спокойно Гордиевский, казалось, воспринимает свое отстранение от службы. «Вы получите отпуск до 3 августа, — сказал он, — затем сообщите мне. И никаких звонков в Лондон, понятно?»

После этих слов Гордиевского отпустили. Перед дверью он хотел еще попрощаться со своим старым начальником отдела Грибиным, но тот не подал ему руки: «Я не знаю, что сказать. Несите свой жребий с самообладанием».

Гордиевскому предоставили служебную машину с водителем, чтобы забрать свою семью в Шереметьево. Там ему пришлось прождать почти три часа, пока он не встретился снова с Лейлой и девочками. Они прошли не через обычный таможенный коридор, а откуда-то сбоку, через какое-то бюро. В машине жена прошептала: «У меня отобрали паспорт. Что случилось? Что с твоим сердцем?» «Тише, — ответил так же тихо Гордиевский, — мое сердце в порядке».

Когда они были в квартире, и дети сидели перед телевизором, Гордиевский вывел свою жену на балкон. Он не был с ней откровенен, и Лейла ему этого так никогда и не простила. Но мог ли он действительно посвятить ее в правду? Не было ли это угрозой для нее?

«Кое-что происходит, понимаешь, — зашептал он. — Меня подслушивают. Они по какой-то причине меня подозревают. Я принадлежу к кругу претендентов на высокий пост, А так как кандидатов много, то против меня начали собирать материал. Они хотят сломать меня. Я чувствую,

как затягивается петля. Они копают все вокруг, может быть, они бросят меня в Лубянку. Может быть, они будут меня пытать. Но все равно, что бы ни произошло, ты должна знать: я люблю тебя, я люблю детей. И если тебе будут говорить плохо обо мне — прошу, не верь им!»

Лейлу Гордиевскую это окончательно запутало: зачем эта мелодраматическая вспышка? Она подумала: «Почему он клянется мне в своей любви, как будто мы только что познакомились? Что это значит? Мы ведь семья. У нас есть дети. К чему эта излишняя болтовня?» Она не поняла, что хотел сказать ей Гордиевский, ведь она ничего не знала. Восемь недель спустя на допросе в КГБ ей пришлось вспомнить каждое слово, сказанное на балконе.

Перед тем, как уйти в отпуск, Гордиевскому пришлось сдать все свои «антисоветские» книги в библиотеку Первого Главного Управления и подтвердить это своей личной подписью. Он не сомневался, что существование этих книг будет использовано на процессе против него.

Затем последовали две сладко-горькие недели с Лейлой, Марией и Анной, омраченные для Гордиевского его знанием того, что ему предстоит разлука с семьей. Ведь ему уже было ясно: он должен бежать. «У меня был выбор: либо остаться в Москве, когда-либо подвергнуться аресту и быть расстрелянным, либо бежать, оставив семью. Я выбрал второй вариант. Ведь так у меня хотя бы оставался шанс, бороться извне за мою семью. Так я тогда думал». Эта надежда, конечно, тоже присутствовала. Но сперва, самым главным, было желание спасти свою жизнь.

В середине июня 1985 года Гордиевского направили на «отдых» в Семеновское, в санаторий КГБ. Обычно он остался бы с семьей, но КГБ хотел держать его под наблюдением.

После посещения Гордиевского Любимов позвонил его начальнику отдела Грибину, которого хорошо знал, и спросил: «Послушай, Коля, что вы сделали с Олегом? Он со-

вершенно потерял голову! Он почти спятил, он просто болен!» Грибин выкрутился: «Не беспокойся, он едет в Семеновское. Мы думаем, там он приведет в порядок свое здорье. А когда вернется, все пойдет как по маслу».

В санатории Гордиевский так же круглые сутки был под колпаком, как и в Москве. Это начиналось с соседа по комнате, офицера погранвойск, а заканчивалось библиотекарем КГБ, который должен был следить за книжными интересами Гордиевского. Чтобы не вызывать подозрений, Гордиевский изучал карты областей, через которые он собирался бежать, стоя у полок. «Это было очень трудно. Советские карты обычно бесполезны. Они, как правило, содержат много неправильных данных. И я не мог брать их с собой в комнату. Потому что тогда библиотекарь, наблюдавший за мной как насадка, сразу сообщил бы куда следует, что я изучаю карты. Так что я смог делать это только в библиотеке».

Но Гордиевский готовился к возможному побегу из Москвы еще в 1977 году. Тогда, когда он уже шпионил на англичан, и приближался конец его второй датской командировки, он начал думать о своем исчезновении. Он делал зашифрованные заметки, непонятные для любого другого читателя. План побега был давно известен британской разведке. Перед своим отъездом из Лондона Гордиевский еще раз обсудил его с англичанами — для страховки.

Было решено, что он в центре Москвы подаст определенный сигнал о том, что план пора приводить в действие. Но пока он был вне города, в Семеновском. Туда из осторожности он не брал своих заметок для побега. Недалеко от его московской квартиры в доме, населенном сотрудниками КГБ, он снял гараж. Там его чертежи были спрятаны в щели между двумя кирпичами. Мысль, что КГБ может обыскать его гараж, усиливала его нервозность. Конечно, заметки были зашифрованы, но если их найдут, все равно возникнет вопрос: какой цели служили эти исписанные

мелким почерком блокнотики, спрятанные в стене гаража? Гордиевский молился, чтобы КГБ оставил вне внимания такое примитивное место, как гараж. Тем более не мог он позволить себе уничтожить заметки. Он все еще был слишком взволнован, чтобы уяснить себе полный план побега. Так что ему приходилось ждать, пока окончится недобровольное пребывание в Семеновском.

Побег из Советского Союза оказался сложной и рискованной игрой не на жизнь, а на смерть. До Гордиевского это не удавалось ни одному разведчику. В план побега входил многочасовой пеший марш через области СССР, граничащие с Финляндией. Нетренированный двойной агент должен был к этому подготовиться. Он начал совершать пешие прогулки и пробежки: сначала час в день, затем два, в конце — внимание! — целых четыре часа. Теперь для его филеров пришли трудные дни. Пока он гулял по парку санатория, он был в поле зрения слежки, которая стояла все время у одних и тех же кустов, делая вид, что занимается своими делами.

Однажды Гордиевский специально простоял на месте пятнадцать минут, чтобы проверить, как будет реагировать «хвост». Он тупо стоял в одном и том же положении: спиной к «объекту», руки на животе.

При пеших прогулках Гордиевский увеличил скорость — и ему удалось отвязаться от преследователей! Но он всегда возвращался назад. Это успокоило следящих, так что они лишь изредка преследовали его при его пробежках.

Однажды ему удалось даже получить разрешение на выезд в Москву под тем предлогом, что его жена с детьми уезжала на дачу ее отца на Кавказ. Ему удалось оставить в Москве оговоренный сигнал, инструктировавший британскую разведку о его плане побега. Затем он встретился с женой. Мария и Анна вернулись в этот день с дачи матери Гордиевского. Супружеская пара купила в магазине одежды легкие летние вещи для путешествия.

Затем настал момент прощания. Гордиевскому было ясно, что его жена очень долго больше не увидит его, если ей вообще удастся его увидеть. Она этого, естественно, не знала. Лейла Гордиевская на этой неделе была занята только тем, как бы снова приучить детей к жизни в СССР, что им нужно из одежды, в какую школу они пойдут. Оба и реагировали соответственно.

Гордиевский надеялся на жест любви, который помог бы ему продержаться в последующие годы. Но ничего подобного не было. Лейла лишь одарила его легким поцелуем. Затем она сказала: «Ну, пока!» Гордиевский ответил: «Ты вполне могла бы вести себя понежнее!» Лейла удивлено посмотрела на него. Затем она повернулась и пошла. Она не видела с того момента своего мужа шесть лет. Еще болезненней оказалось расставание с детьми, которые смогли посетить его в санатории за день до их отъезда на Кавказ. Когда он посадил девочек на поезд, он их так крепко обнимал и прижимал к себе, что чуть было не поехал с ними, когда поезд тронулся. «Я чувствовал большую боль. Я ведь не мог сказать, что я собрался делать, потому что не хотел потерять детей. Несмотря на это, меня принудили к этому ужасные условия, решение о жизни и о смерти. Мне было невыразимо горько. Но у меня не было иного выбора».

10 июля Олег Гордиевский вернулся в свою московскую квартиру. День спустя в оговоренном месте он оставил второй знак для МИ 6. Теперь дата его побега была установлена. Отчет времени пошел. Днем побега должна была стать пятница, 19 июля 1985 года. В субботу и воскресенье его не скоро хватятся. И в КГБ служба начнется лишь в понедельник. Кроме того, на следующий день в Москве должен был начаться широко разрекламированный Всемирный фестиваль молодежи. Гордиевский надеялся, что спецслужбам придется переориентировать свое внимание на многочисленных иностранцев, посещающих Москву.

Теперь нужно было подготовить парочку отвлекающих поездок. Сперва он по телефону записал свою «Ладу» на обязательное техобслуживание на 22 июля. Затем он, тоже по телефону, обещал своей сестре посетить ее на даче 20 или 21 июля. Затем он позвонил Любимову и попросил о встрече. Любимов ответил: «Да просто приезжай!»

По пути к своему другу Гордиевский заметил, как сильно за ним следят. Был жаркий день, он шел пешком и видел при этом двух мужчин в зеленой машине «Жигули», которые ужасно истекали потом в своих темных куртках. Сидевший рядом с водителем человек что-то тихо говорил в микрофон. В КГБ учат, что тот, за кем ведется наблюдение, должен лишь тогда уделять внимание своим «хвостам», если у него действительно есть задание, о котором никто не должен узнать. Если это не так, если ты просто идешь гулять или в магазин, то слежку надо просто игнорировать, ничего не предпринимая.

У Гордиевского не было никакого интереса уходить от слежки. Наоборот, он хотел, чтобы они знали, где он был и с кем встречался. Гордиевский принес бутылку водки «Столичная», но Любимов отказался пить. Ему нужно было еще ехать на машине. Антиалкогольная кампания Горбачева была в самом разгаре, и нарушения правил об управлении машиной в нетрезвом состоянии сурово наказывались.

Гордиевский таким образом пил один — акт, который скрупулезно был запротоколирован КГБ. Очевидно, он послужил основой для выдвинутого позже обвинения, что-де перебежчик был алкоголиком.

Разговор длился лишь полчаса. Любимов заметил, что Гордиевский выглядел по-прежнему нервным и суетливым, совсем не отдохнувшим. Он предложил ему посетить его на следующей неделе в Звенигороде, «скажем, в понедельник». «Там я месяц буду жить в доме отдыха. Там мы можем поговорить с тобой, Олег, и ты успокоишься...» Гордиевский согласился.

Дома на отрывном календаре он написал под датой 22 июля: «10. 00 — Звенигород — встреча с Любимовым». Календарь он положил на стол в своей комнате. У Любимова позже возникло оправданное чувство, что Гордиевский использовал его как пешку в шахматной игре: «Он играл со мной в кошки-мышки. Это было профессионально. Но так как речь шла об его жизни, мне трудно сердиться на него». Гордиевский вел себя как паук, за которым охотятся, и который, защищаясь, натягивает липкую сеть — сеть лжи. Но самая тяжелая ложь еще была впереди.

Вечером 17 июля, в среду, он позвонил своей жене на Кавказ: «Лейла, 31 июля я приеду к вам. У меня уже есть билет на самолет. Тридцатого я позвоню тебе. Пожалуйста, встретить меня с детьми в аэропорту в Баку. Я люблю тебя!» Это была последней фразой, которую Лейла Гордиевская услышала от него до сентября 1991 года.

На следующий день, 18 июля Олег Гордиевский покинул свою квартиру на Ленинском проспекте, чтобы совершить пешую прогулку — и чтобы купить билет на поезд до Ленинграда. После пяти километров быстрой ходьбы он заметил, что его уже не преследуют. Его слежка, очевидно, предпочитала дожидаться своего слишком спортивного подопечного у дверей его дома.

Он сел на автобус до Ленинградского вокзала и купил билет на ночной поезд с 20 на 21 июля. Так как он пришел слишком поздно, то ему досталось самое плохое место в купе на шесть человек — внутри сверху. Но теперь уже было все равно. У него был билет.

Последнюю ночь дома Гордиевский не спал. Возле его кровати стоял металлический поднос, на котором он разложил свои от руки написанные заметки для побега и карту автодорог, а рядом — коробок спичек. Если бы ночью в квартиру ворвались люди КГБ, чтобы арестовать его, он смог бы заранее сжечь инструкции и карту. Но наступило утро, и никто не прибыл, чтобы взять его.

Гордиевский дождался послеобеденного времени. Он сжег свои инструкции. За прошедшее время он выучил их наизусть. Затем он надел тот свой старый спортивный костюм, к которому уже хорошо привыкли его филеры из КГБ, и покинул дом. Было четыре часа дня. Он начал бежать.

Необычно было лишь то, что он нес в руке пластиковый кулек. Что было в нем, послужило темой для многочисленных предположений во время расследования. Его содержание состояло из бритвы, зубной щетки, куртки, кожаной кепки, загранпаспорта Гордиевского и его удостоверения КГБ, где стояло еще не новое его звание «полковник», а старое — «подполковник». Билет до Ленинграда Гордиевский спрятал в трусах.

Он пересек Ленинский проспект и через 200 метров достиг парка Горького. Территория парка в этот летний пятничный вечер была полна людей. Прогуливались влюбленные парочки, продавцы кваса предлагали свой кисловатый освежающий напиток, перед колесом обозрения выстроилась длинная очередь. Никто не обращал внимания на бегуна. Гордиевский исчез в толпе. Он добежал до конца парка, пересек Крымский мост и свернул на Зубовский бульвар. Там он купил дешевую сумку для покупок, засунул в нее свой кулек и на метро поехал на Ленинградский вокзал.

На перроне было полно милиционеров, проверявших паспорта и державших людей в поле зрения. Но их внимание было обращено лишь на прибывающих — гостей Всемирного фестиваля молодежи. Отъезжавшие их не интересовали. Но Гордиевскому все же пришлось провести два беспокойных часа в не особо чистом мужском туалете.

В восемь вечера он сел в поезд. Спальное купе было полно. Гордиевский вскарабкался на свою полку, внутри сверху, и попытался уснуть. Это ему не удалось. Он знал, что ему нужно спокойствие, ведь на следующий день ему придется потратить все свои силы. Он принял две таблетки снотворного и закрыл глаза. Когда поезд подъехал к Калинин, он уснул.

Ночному поезду из Москвы в Ленинград для преодоления расстояния в 680 км нужно чуть больше 8 часов. Около полуночи в Торжке поезд остановился с сильным толчком. Гордиевский упал с полки, головой вниз, и, ударившись об пол, сильно поранился. На лбу, на плечах и руке появились сильно кровоточащие раны. Череп болел, купе расплылось перед его глазами. Он получил сотрясение мозга.

Подбежала проводница и включила свет: «Может мы Вас отправим в больницу?» «Нет, все в порядке,» — прошептал Гордиевский. Она поглядела на него и покачала головой. Гордиевский сунул ей бумажку в пять рублей:

— Пожалуйста, дайте мне полежать. У меня в Ленинграде важная встреча.

Она дала ему бинт из аптечки и выключила свет. Остаток путешествия Гордиевский пролежал на полу.

В 4. 15. утра поезд остановился на Московском вокзале в Ленинграде. Гордиевский чувствовал себя не особенно хорошо. Он вышел на Невский проспект, глотнул свежего утреннего воздуха, и через километр свернул вправо к реке Неве. Никто за ним не следил.

Он пошел на север по Литейному проспекту, пересек Литейный мост и остановился у Финляндского вокзала. Перед современным зданием вокзала возвышается монументальный памятник Ленину из бронзы. Он напоминает об историческом событии.

Ночью 17 апреля 1917 года Ленин, только что вернувшийся из эмиграции, обратился с башни броневика перед вокзалом с речью к приветствовавшим его тысячам рабочих и солдат. Постамент памятника изображает башню броневика.

Гордиевский подошел к нему совсем близко. На постаменте можно было прочесть заключительные слова речи Ленина: «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!» Это были слова эмигранта с Запада, который хотел построить лучший мир — при необходимости и пу-